

Экскурсоводы, работающие на Ваганьковском кладбище Москвы, обычно водят посетителя торною тропой к могиле Сергея Есенина, Владимира Высоцкого, Андрея Миронова, Льва Яшина, других известных поэтов, писателей, актеров, спортсменов. Но бывают и такие «капризные» гости столицы, которые просят показать им, где похоронена знаменитая... воровка Сонька-Золотая Ручка. И их (желание клиента — закон) провожают к экзотическому памятнику с мраморной фигурой, изваянной под тремя пальцами.

КАКАЯ ТАМ МУРКА!

Назвать отношение криминала к представительницам слабого пола положительным языком никак не поворачивается. Об этом говорит прежде всего блатной фольклор — хотя бы всем известная «Мурка». Героиня этой песни, как известно, отличалась коварным нравом и слала ментам «малину», за что и получила от «коллег» пулю в качестве «гонорара». Хотя и имела от поклонников «в законе» в свое время «кольца и браслеты, шубки и жакеты».

Образ «подлой изменщицы» кочует из одной воровской баллады в другую и всегда заканчивается разными вариациями самостоятельного приговора, типа «Семен, засунь ей под ребро! Смотри, не обмойай «перо»-об это каменное сердце». Сонька-Золотая Ручка (по паспорту Рубинштейн, она же Розенбланд, она же Школьник, она же Бреннер, она же Блювштейн) — единственная среди дам и лучшая среди рецидивисток, стала исключением из правил.

Тюремные барды сравни-

вали ее с вечнозеленой елкой, украшенной золотыми бусами. Сказан-

ия о ее подвигах родились в Одессе, где «Мадам Королеву» до сих пор «братки» и «сестренки» почитают чуть ли не как национальную героиню. В легендах с Молдаванки и Дерibasовской она влюбляет в себя турецкого султана и распускает его гарем, уводит французскую оккупационную эскадру из России домой в 1918 году, ставит на место последователей Шерлока Холмса, открывая неуловимую воровскую школу в Лондоне. А как было в реальной жизни?

Шендла-Сура Лейбовна Соломоник, по одним данным, родилась в 1846-м, по другим — в 1859 году в семье многолетнего цирюльника-парикмахера, которого она благополучно и общирила в 17 лет, сбегав за границу с красавцем-греком. Всего у нее было четверо мужей. А в самых поздних документах она записана на фамилию супруга — известного одесского мошенника и картонного шулера Михеля Блювштейна.

Кстати, последний через несколько лет «завязал», Сонька же, наоборот, вошла в азарт. Да еще в какой!

ГЛАВНОЕ — «РАБОТАТЬ» С ФАНТАЗИЕЙ

Талантливая от природы, наша героиня отлично вла-

дею системе «гутен мерген», то бишь по утрам. Ожидала всяческих животных — а потому порой брала «на дело» дрессированную обезьянку. Пока хозяйка любезничала с ювелиром, мартышка незаметно прятала за щеку и глотала драгоценные камни. Дома «заботливая» Сонька собственноручно сделала

поселение в отдаленные места Сибири». На пароходе «Ярославль», считавшемся плавучей тюрьмой, мешанку Софью Блювштейн отправили на Богом забытый Сахалин. И через год Сонька прибыла в этот дальний, дремучий лесной край...

Сначала новая жительница острова жила на вольной

сучкорубки на лесозаготовках, осудили на 3 года каторжных работ. Ее (единственную женщину за всю историю российской каторги) заковали в кандалы, и она таскала их на себе без малого три года.

Зимой 1894-го у знаменитой воровки, переквалифицировавшейся в «труженицу лесного фронта», стала сохнуть левая рука и начали отниматься ноги. Но все-таки (какой характер!) после перевода в категорию поселения она вместе с самым страшным сахалинским уркаганом Степаном Богдановым предприняла последнюю попытку бежать. Тайга и на этот раз не отпустила своих жертв.

ТАЛАНТ — И В ТАЙГЕ ТАЛАНТ

Наказывать Соньку не стали — власти оставили ее в покое. Но покой мадам Блювштейн не переносила. Оправившись от потрясения и «залзав ран», «реактивный двигатель в юбке» открыл красную торговлю для лесорубов. А чтобы могучим бородачам жилось веселее, для них построили... карусель, организовали оркестр балаалаечников. Ну, и завела «энтузиастка» еще одну «невинную» забаву — подпольный игорный дом, где спекулировала запрещенным самогоном и сбывала краденое. При этом не забывала о саморекламе, встретившись

с приехавшими на остров Антоном Чеховым и Владом Дорошевичем.

...Большевики после революции освободили «жертву царизма», достигшую преклонных лет, и она поселилась в Москве. Отошла от дел? Ох, не знаю, не знаю. Ведь уже в советское время столичная милиция сталкивалась со странными ограблениями, где невеста откуда-то взявшаяся обезьянка прыгала на покупательниц ювелирных салонов, вырывала у них бриллианты, глотала и давала деру. Чувствуете, чей почерк?

...Когда умерла Сонька, достоверно неизвестно. Да и экскурсоводы на Ваганьковском кладбище, приводя посетителя к ее памятнику, бормочут, что тут поконит то ли миланская танцовщица, то ли неаполитанская певица. Правда, при этом они лукаво шуртят и отводят глаза.

Время пришло такое, что, как сказал поэт, «и ни червь, ни кабак, ничего не свято». Памятник нынче в плачевном состоянии. Женскую фигуру из белого мрамора повалили и оторвали ей голову. Из трех кованых пальцев (надо было вместо них изваять сахалинские сосны) уцелела лишь одна. Тем не менее на могиле всегда живые цветы и малавы — записочки от «благодарных воров». А их на Руси — будь она царская, генсексовская или президентская — всегда хватало.

О. БОРИСОВ.
(«Лесная газета»).

Сонька-Золотая Ручка

11 Советский Союзник - 2002 - 16 февраля

Она охмуряла сахалинских лесорубов

дела немецким, польским, французским языками. А потому выезжала даже на зарубежные «гастроли», прово-рачивая совместные операции с прохиндеем междунородного масштаба и аферистом экстра-класса Вейнигером. От их бурной кармано-очистительной деятельности тряслись и Вена, и Варшава, и Лейпциг, и Берлин.

Впрочем, не обделяла Сонька вниманием и свое любовное отечество. Например, «увела» у богатого лесопромышленника на шумной нижегородской ярмарке без малого четверть миллиона рублей. На эти сосновоедческие деньги по тем временам можно было купить четыре больших волжских парохода!

Мадам Блювштейн обладала фантазией и не «работала» по шаблону. Так, гостиницы она «чистила» не по ночам, а по изобретенной

хвостатой воспитаннице клизмы.

Была ли эта дама, замечательная во всех отношениях, неотразимой красавицей? Отнюдь. Вот как живописует ее полицейский протокол: «Рост 1 метр 53 сантиметра, лицо — рябчатое, нос — умеренный с широкими ноздрями, бородавка на правой щеке, волосы вьющиеся, глаза подвижные, дерзка и разговорчива». Но грим, косметика, накладные ресницы и главное — шарм, шарм, которого не отнимешь, творили чудеса, превращая «так себе мадамочку» в королеву.

ИЗ ВОРОВОК — В СУЧКОРУЗКИ

В ноябре 1885 года нашу

«пташечку» все-таки поймала полицейская «конечка». Судили ее в Москве в приговорили «сослать, лишив всех прав состояния, на вечное

квартире. Но скоро ей стало скучно, и она ударилась в бег. Неудача не охладил пыл темпераментной «гастролерши», и вскоре ее уличили в мошенничестве, а затем обвинили в соучастии в убийстве лесоторговца Никитина. Подельников казнили, но наша «непотопляемая» героиня опять каким-то образом вышла сухой из воды.

В мае 1891 года — очередная попытка дать деру. На сей раз не пронесло, и Сонька получила 20 ударов плетью. После десяти не привыкшая к такому обращению бедняга потеряла сознание. Несчастную привели в чувство, и местный палач Комлев «с душой» продолжил экзекуцию. Любил он, заплочных дел мастер, это дело.

Через некоторое время Соньку, которая к тому времени набрала мозоли на свои «золотые ручки», вкалывая